ни на Земле, или Среднем мире, которой всячески мешают злые силы — коварные и жестокие *авахи* Нижнего мира. В сказании о всесильном Дэвэлчэне (3143 стиха) повествуется о походе в Верхний мир, откуда, выдержав неимоверные испытания, богатырь возвращается на Землю, и на ней утверждается жизнь в достатке и радости. Эвенкийский эпос воспевает слияние человека с природой, их единство, напоминая о первоначальном месте человека в мире, о самых корнях человеческого бытия. Сюжеты эвенкийских сказаний разнообразны: есть сказания об одиноких героях — пеших охотниках, родоначальниках эвенков, о женщинах-богатырках, о братьях-богатырях, спасающих друг друга, и др.

К сожалению, в свое время не удалось сделать звукозаписей публикуемых в томе сказаний Н. Г. Трофимова. Но с помощью фонограммы его же сказания «Иркиамондя-богатырь» (фрагменты его даны на пластинке к тому) и других материалов в музыковедческой статье [1] уясняется проявление общей музыкальной архитектоники и закономерностей (такой исследовательский эксперимент, состоящий в характеристике музыкальной архитектоники и закономерностей произведения, не зафиксированного фонографически, по ближайшим «аналоговым» звукозаписям, представляемым в подобных случаях и на пластинке, осуществлен также в *бурятском и якутском томах эпоса*). Примечательно сочетание разных ритмо-поэтических форм: монологи и диалоги героев поются, а описательные части по-особому сказываются. У каждого богатыря — свой запев, своя песня-монолог, а другие персонажи также имеют собственные запевы и песни с характерной для них интонацией.

«Аламжи Мэргэн» — один из лучших образцов эпической поэзии бурят. В основу тома, посвященного ему [3], положена уникальная *эхирит-булагатская запись, сделанная еще в* 1903 г. Ц. Жамцарано от выдающегося рапсода Елбона Шалбыкова и опубликованная им десятилетие спустя. В томе серии она впервые сопровождается русским переводом. Среди всех проявлений фольклорного творчества бурят неоспоримый приоритет всегда признавался за *улигерами* — крупными эпическими поэмами большой древности. В них сложились типовые сюжетные структуры с особым повествовательным строем и образным миром. Сюжетную основу улигеров составляют две ведущие темы: борьба богатыря с чудовищами-*мангадхаями* и другими врагами; сватовство и женитьба героя и связанные с ними богатырская поездка и испытания женихов.

Традиционное исполнение улигеров характеризуется напевностью, при этом текст и мелодия составляют некое единство при преобладающей роли слова. Привлечение позднейших звукозаписей той же традиции, что и «Аламжи Мэргэн», позволило предположить, что по своим музыкально-интонационным особенностям исполнения эпос «Аламжи Мэргэн» приближался к стилю протяжных песен *ута дуун* с характерным для них медленным произнесением поэтических строк, позволяющим любоваться вибрационными украшениями мелодии.

Говоря о томе, отведенном жанрам русской эпической поэзии — былинам, балладам, *историческим песням и др.* [4],— а *столь объемное* освоение совокупности сибирско-дальневосточных записей по этим жанрам предпринято, по сути, впервые (его не было, например, в известной серии обобщающих русских сказочных и песенных сборников Сибири, вышедшей в 70-е—80-е годы) — позволим себе сначала обратить внимание на фоноприложение, нотации и этномузыковедческий комментарий к ним. Приводится действительно редкостный материал. Благодаря фонограммам мы можем услышать подлинное звучание русских эпических песен, записанных совсем недавно — в начале 80-х годов — на Индигирке и Колыме: «Старинной песни про Данилушку» от Н. К. Рожина и «Добрыни и Алеши» от П. К. Соседова, «Федора Колычевского и Мельфы-Софьи Волховницы» от Е. С. Киселева и «Тещи в плену у зятя» от Ф. А. Санталовой и др. Преемственность музыкальной традиции оттеняет отмечаемое в музыковедческой статье сходство одного из напевов Е. С. Киселева с колымской фонозаписью В. Г. Богораза на неполно сохранившемся валике 1895 г.

Древнерусские эпические песни, видимо, *достигали Сибири, начиная с XVII в. В свое* время они могли записываться (и записывались) в очень хороших вариантах, которые, естественно, взяты подготовителями книги в первую очередь. Но с течением десятилетий, особенно во второй половине нашего столетия и далее, накапливались и фрагментарные, иногда прозаизированные тексты, что известно и по европейскому Северу. С их учетом начинают адекватнее проступать контуры «районирования» эпоса, бытовавшего на сибирско-дальневосточных *землях: в бассейне Оби и Иртыша; на*

[1] Имена авторов каждого из разделов, на которые мы ссылаемся, см. в библиографическом описании томов в списке литературы.